

Евгения Барбуца

Евгения Барбуца

Теща Темного Властелина

Роман

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б24

Художник
С. Бабкина

Барбуца Е. В.
Б24 Теща Темного Властелина: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1625-7

Вы Темный Властелин? О, вам несказанно повезло! Что вы говорите? Демоны войной угрожают? Тайные враги заговоры строят? Жена запилила? Беспредел! Ну ничего, вот придет ваша теща, и все... Эй, куда же вы побежали?!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1625-7

© Барбуца Е. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Посвящается моей семье. Родные, все совпадения случайны, честно-честно!

ПРОЛОГ

Ноги жутко болели, дыхание давно сбилось, но она не могла остановиться. Ее гнал страх. Страх и любовь. Она *должна* добежать. Обжигаяще соленые слезы застилали глаза, но она не могла их смахнуть. Руки были заняты тяжелым свертком.

Сколько она уже так бежит сквозь эту проклятую чашу? Ее снедало беспокойство за мужа. Сердце гулко билось о ребра, в боку кололо, низ живота тянула острая боль. Хотелось упасть и не вставать, и будь что будет, но она должна была бежать, должна спасти.

Стук сердца заглушал любые звуки. Плохо, очень плохо, она должна слышать окружающий мир. Она должна знать, с какой стороны погоня. Да где же этот проход?

— Мамочка? — завозился ребенок на ее руках. — Где мы?

— Спи, сына, мы идем к бабушке. — Говорить тяжело.

Но ребенок не должен догадаться о грозящей им опасности. Ее мальчик не должен бояться.

— А где папа?

— Папа сейчас разбирается с нехорошими дядями.

— Правда? Он посадит их на кол? — В голосе сына слышится воодушевление.

А она ведь просила мужа не рассказывать ребенку о своих былых подвигах, пока тот не станет постарше. И мама говорила, что такие сказки не для детской психики.

— Конечно, он же Темный Властелин как-никак. — Неудачная попытка улыбнуться.

И тут она услышала самый страшный звук, лай урганов — ищеек, специально выведенных для поимки опасных преступников.

ГЛАВА 1

Дан

— Внук, обед готов, прошу к столу! — слышу сквозь музыку в наушниках крик бабушки.

— Ба, щас подойду! — отозвался я, убивая очередного монстровидного симпатягу пришельца, не забывая комментировать при этом. — Минус!

— Внук, прекращай выражаться, как австралопитеки из подъезда. Живо за стол! — донеслось до меня. У бабули историк в друзьях водится — в периоды, когда не мигрирует на свои раскопки.

Моя бабушка — учитель по призванию, сеет в детях разумное, доброе, вечное, то есть ужас, отчаяние и уважение. Истинный преподаватель русского языка, что в школе, что в университете, что в жизни. Правда, на пенсии, но, как говорится, замашки прирожденного чекиста ни одна пенсия не скроет. Но справедливости ради стоит отметить ее неординарность, стойкий характер, незаурядный ум и строгую выдержку. В наше время таких уже не делают, как она сама и говорит. Но, несмотря ни на что, она у меня либеральная и продвинутая. Я бы сказал прокачанная и тюнингованная.

Ну серьезно, кто в ее годы будет выглядеть лет на пятнадцать моложе? Вот у Пашки из второго подъезда бабушке всего пятьдесят семь, а она старая, сморщенная и на лавочке семечками обстреливает соседей. Слышала бы меня сейчас бабушка! Она обожает, когда я ее нахваливаю. Бабуля вообще во мне души не чает. Правда, это не спасает меня от ежедневного повторения падежей и чтения Толстого наряду с другими классиками. Вы когда-нибудь читали *всего* Толстого? Нет? Вот зачем вы хвастаетесь? Издеваетесь, да? Молчите, изверги, я и так знал, что вам повезло, и вы отделались пересказом «Войны и мира» в двух словах.

В общем, бабушка-педагог — это проклятие и благословение в одном флаконе. Все было бы не так страшно, если бы мы жили раздельно, но судьба посчитала, что я не должен наслаждаться жизнью постоянно, и пришлось мне жить с бабулей, в то время как мои предки скрылись в направлении родной страны отца. Папа у меня из далекого восточного государства, находящегося в постоянном состоянии революции. Мать, как истинная дочь моей бабушки, посчитала себя женой декабриста и отправилась вслед за батей, у которого суперсекретная важная работа. С собой меня ни разу не брали из-за бесконечных боевых действий на родине отца. По мне, так предки просто сбегали от бабули, а меня оставили на откуп.

Нет, я, конечно, люблю свою старушку, и даже очень, но временами она меня просто убивает. Бабуля, кстати, была изначально против. Нет, не того, чтобы я жил у нее, а против, чтобы мама выходила замуж за отца. Но потом вроде бы свыклась с мыслью о горячей неотечественной крови в семье. Мое рождение окончательно примирило ее с моим отцом, но категорический отказ родителя перебраться в Россию заставил ее вновь вспомнить педагогический опыт. Как отец выдержал этот прессинг, знает, наверное, только он, но всякий раз, когда он приезжал к нам в гости, я замечал, насколько храбро папа избегает близкого общения с бабулей. Мама рассказывала, что бабушка со словами: «Я все-таки сделаю из тебя человека, чурка ты нерусская. Прояви знание повелительного наклонения — подойди, великий и могучий будем изучать!» — принялась за его воспитание и образование по ускоренному курсу. И это при том, что у отца очень сильный и властный характер. Бабуля виртуозно владеет всеми вариантами отечественной речи. Я как-то подслушал ее разговор со слесарем, тогда-то и убедился в том, что родная бабуля виртуоз родного могучего. Короче говоря, бабушка даст сто очков любому Андрею Малахову и Тине Канделаки с их незакрывающимися ртами. Но эту свою черту она показывает только в состоянии неконтролируемого бешенства. В такие моменты окружающим лучше найти ближайшее убежище от ядерного удара и сидеть там до конца своей жизни, потому что моя бабуля из вредности их пережить может. Но я вам об этом не говорил, а то бабушка обидится и я не получу любимых блинов с творогом.

Так, скрепя сердце, выключив комп, я поплелся на кухню.

Ирма Львовна (она же в будущем Ирма)

Слышу шарканье шагов — любимый и единственный внук кушать идет. Подростки. За свою долгую педагогическую практику я повидала много детей и их проблем. Мой Данюша не исключение, несмотря на весь мой опыт, мы все же не избежали неурядиц. И конечно, во многих неприятностях внука виноваты его родители — они оставили сына, вернувшись в далекую страну его отца. Угораздило же дочь в этого дипломата диких краев влюбиться! Уехала она за ним на родину зятя, названия которой я не то что выговорить не смогу, я его просто запомнить не в состоянии. Долго искала это государство на карте мира, даже в Интернете смотрела. Не нашла. Зять, правда, предупреждал, что территория очень маленькая и вот уже двадцать лет там чрезвычайное военное положение. А моя доченька, моя кровиночка отправилась вслед за этим... дипломатом нерусским, одним словом. Хорошо хоть сына догадалась оставить со мной. Теперь я получаю от нее письма стабильно раз в два месяца. И это в век технологий! У них там что, Интернета нет? Уж сколько раз я ее просила со мной по Скайпу связаться, так нет, ей не то что с родной матерью поговорить некогда, ей с сыном пообщаться времени не хватает. Хорошо хоть раз в год приезжает, видите ли, у них граница закрытая, выбираться часто не получается.

Уж как я Азара — зятя — просила русское гражданство получить! У меня же связи в министерстве есть, смогла бы договориться о быстром решении проблемы. Мой бывший студент на данный момент занимает весьма высокий пост, а мне он многим обязан, помог бы без возражений. Так нет, зять в позу встал и ни в какую не соглашается, баран иностранный. А Маринка ему поддакивает. И в кого она такая упертая? Подозреваю, что в отца, вот бы еще точно вспомнить, кто он.

— Бабуль, опять борщ? Не хочу, — слышу голос любимого внука за своей спиной.

— Данюша, тебе восемнадцать лет, прекрати канючить, словно пятилетнее дитя, — взглянула я на него строго. Поправила пучок на затылке и села за стол, подавая тем самым пример внуку.

Посмотрела на ребенка. Что-то мне его цвет лица не нравится. Он вроде и спортом увлекается, и школу закончил на «хорошо», и в технический вуз поступил без проблем, но все мне кажется, что ему чего-то не хватает. Я внуку никогда ниче-

го категорично не запрещала. Он рос добрым мальчиком, физически сильным и развитым не по годам. Смышленный ребенок, общительный, и даже слишком. Как-то он еще в детском саду разоткровенничался с воспитательницей. И ведь смог ее убедить, паршивец такой, в том, что мы семья настолько бедная, что ему не всегда на еду денег хватает. Воспитательница, молодая, наивная, а главное, новенькая, прониклась и начала ему сладкое из дому таскать. Пока меня с заведующим не встретила. Заведующий детского сада был моим бывшим учеником, с которым мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Тогда-то и выяснилось, что мы вполне даже не бедствуем, а у ребенка попросту шла вторая неделя наказания под кодовым названием «никакого сладкого, даже сахара».

Вспоминая того шалопайского мальчугана, сейчас я смотрю на уже взрослого молодого человека с широкими плечами, темными, слегка вьющимися волосами, такими же темными глазами, обрамленными длинными густыми ресницами, прямым носом, слегка резкими чертами лица и понимаю, что ему от меня достался лишь характер. И я точно уверена, что сей факт не является хорошей новостью.

Вот от отца ему досталась мощная харизма и даже в некотором роде надменность. От матери бесшабашность. А от меня все самое плохое. Хитрый, изворотливый, умный, с хорошей реакцией, и все это мой внук. Горжусь. Вот только гложут меня сомнения, смогла ли я его правильно воспитать. С его матерью я допустила явный просчет, иначе бы она не выскочила за этого иностранца. Подруги, с которыми я делилась беспокоящими меня вопросами, недоумевали. Я же педагог с сорокалетним стажем, как я могу ошибиться в том, что касается воспитания? А вот могу. Не раз была свидетелем, как отличнейшие учителя ломали жизни и характеры своих детей, я всегда боялась повторить их ошибку. Вот и дочери возражать не стала, когда та бросилась вслед за мужем, чтоб ему икалось. Конечно, сначала я себя изводила волнениями, переживала, как она там — не убили ли, не болеет ли. А потом смирилась. Все же ее счастье для меня важнее. Она мое солнышко, золотистая ясноокая блондинка со взбалмошным характером. Умница и красавица, почти интеллигентка. Почему почти? Ну так я не изверг, свое дитя от жизни отрывать. Впрочем, если бы с ней что случилось, я бы первая об этом узнала, ибо есть между нами странная, почти

мистическая связь. Так что уверена, что дочь если не счастлива, то весьма довольна своей жизнью.

И Азар ее действительно любит. По глазам вижу. Вот только характер у него тяжелый. Властный. И мрачный он очень. Когда Марина привела его знакомиться (а я, как обычно, бестактно выказала свое скромное недовольство), так он та-а-ак на меня взглянул, что взгляд ректора нашего университета, когда я отказалась принимать экзамен у студента по блату, показался милой лаской. Но, как говорят мои студенты, облом подкрался незаметно. Я и не таких в своей жизни встречала, так что мне его гневные взгляды оказались безразличны. А уж когда я за него взялась всерьез, Азар вообще проникся, по словам внука. Чем зять там проникся, я так и не поняла. Я думаю, что уважением, внук говорит, что ужасом. А дочь просила побереечь слабую нервную систему ее любимого.

— О чем задумалась? — осведомился любимый потомок.

— Ни о чем серьезном, — ласково улыбаюсь уминающему за обе щеки ребенку.

— Бабуль, когда ты так вот ни о чем думаешь, впоследствии происходит какая-нибудь гадость, — фыркнул внук.

— Не выражайся за столом, — одернула я. — Сегодня мы едем на дачу.

Я увидела, как скривился любимый отпрыск.

— Бабуль, у меня на сегодня планы, — начал он осторожно. — Да и зачем тебе эта дача? Мы там раз в три года появляемся, и то на час.

— Знаю я твои планы — сначала пиво со шпаной, а потом Машка из второго подъезда. Только у Машки тоже планы, по имени Васька из третьего подъезда.

Теперь лицо потомка уже перекосило. Люблю я людей шокировать, что поделать. А над родным внуком слегка поиздеваться для общего тонуса — святое дело. Он это называет стебом. Никогда не любила сленг, но тесное общение с молодежью накладывает определенный отпечаток на речь, невзирая даже на высшее филологическое образование и многие годы практики. Да что там речь — такое общение даже на характере сказывается.

— Бабуль, вот ты откуда про пиво знаешь? — грозно нахмурился он.

— Данюш, я же не запрещаю. А вот Машку запрещаю, у нее каждый вечер новые планы, и так со всем районом. Побереги

здоровье, внук, — попросила я. — Сдается мне, что с ней даже контрацептивы не помогут.

— Дача так дача, — быстро согласился он. — Но что ты там забыла?

— Мне тут недавно вспомнилось: четыре года назад сделала заначку в томике Блока, надо бы забрать, пока склероз не подкрался.

— Тебе что — денег не хватает? — удивился внук. Тут он прав, живем мы в достатке, можно сказать, в изобилии.

— Данечка, я письма спрятала, а не деньги. Старые, дорогие моему сердцу письма. Они, между прочим, ценнее денег будут. Хорошо, твоя мать о них в последнем послании напомнила.

— То-то ты их ныкаешь, а потом забываешь куда, — фыркнул внук. — И не называй меня так.

— А ты не издевайся над русским языком, — возмутилась я.

Дан

У бабули сегодня было садистское настроение, поэтому вместо такси мы на злополучную дачу отправились в автобусе. И это было что-то, скажу я вам. Переполненная маршрутка при своем появлении напомнила мне банку селедки. А пассажиры от этой самой селедки ничем особенным не отличались, такие же выпученные круглые глазки, те же склизкие тельца и открытые рты. На улице плюс тридцать шесть. Когда мы все же загрузились в этот мини-ад, я для бабули умудрился выбить место. Пришлось одному не очень порядочному парню с жутким перегаром попрыгать на ноге, передавить руку и нечаянно врезать под дых, чтобы он не начал возмущаться. Тот оказался понятливым и уже после второго удара сполз с сиденья, на которое я и определил бабушку.

Во всей поездке был лишь один плюс — симпатичная рыжая девица с шикарным декольте, что сидела справа, ради такого я честно отстоял все два часа пути. Ну и, конечно, любимая музыка в наушниках от mp3-плеера.

Наконец мы оказались на нужной остановке. Поселок, где находилась наша дача, являлся элитным, со шлагбаумом и пунктом охраны, все как положено. Охранники здесь хорошие и бабулю знают, несмотря на наши редкие визиты, они ее очень уважают. Бабуля мило улыбалась и бодро топала в сторону нашей дачи, а я скучающим взглядом окинул замки соседей.

Ничего не изменилось, те же трехметровые заборы, те же камеры слежения на всех углах, и даже башенки из-за заборов привычные торчат. Те же пустынные улочки, покрытые асфальтом. Бабуля говорит, что еще лет одиннадцать назад здесь почти никого не было, поселок был заброшен. А вот когда бабушкин друг отгрохал себе дачу на лоне дикой природы, бизнесмены оценили и потянулись друг за другом осваивать территорию.

И вот, пока мы бодро шагали по раскаленному асфальту мимо английских газонов, пока я наслаждался музыкой, из-за приоткрытых ворот одного особняка выскочил здоровущий ротвейлер. Несется на большой скорости, глаза бешеные, слюна капает, рычит, как бензопила, морда оскалена, зубы с мой средний палец... Жуть, короче. Первой мыслью было — я не успеваю закрыть бабулю, она впереди меня шагала.

Я, словно в замедленной съемке, вижу эту зверюгу. Кожей ощущаю злость и жажду крови. Даже молиться начинаю, чтобы зверь бабулю не тронул. Пусть лучше на меня кидается, она же старенькая, сухонькая, а я молодой, сочный, мое мясо нежнее будет. Сам я с низкого старта подрываюсь в сторону бабушки, дабы успеть ее отбить.

— Стоять! — рывкнула любимая родственница и подняла ладонь вверх.

Я остолбенел. Псина тоже. Стоит, хлопает черными круглыми глазами недоуменно. Только сейчас понимаю, что не дышу. Выдохнул. Можно расслабиться.

— Сидеть, — сказано это было таким тоном, что даже я с трудом удержался от того, чтобы не опустить свою пятую точку на асфальт.

Пес сел. По-моему, он сам в шоке от того, что выполняет приказы моей любимой родственницы. А я начал оглядываться в поисках хозяев зверюги, все-таки у нас редко ворота открытыми оставляют. Пес тем временем высунул язык и лег на асфальт.

— Я не разрешала лежать. Сел на место, — властным тоном приказала бабушка. Пес сел. И даже попытался скулить. — Говорить будешь, когда я позволю.

Все, попал ротвейлер.

— Абрамович! — услышал я голос со стороны злополучных ворот.

Нашему взору явился пухлый мужичок в спортивных штанах и дорогуших мокасинах.

— Ирма Львовна? — удивился он. Потом посмотрел на собаку и опять на бабушку. Побледнел. — Ирма Львовна, Абрамович вам ничего не сделал?

Это он пса так назвал? Я еле сдерживался, чтобы не заржать. За что он так собачку? У меня даже гнев пропал на нерадивого козла — то есть, я хотел сказать, хозяина животинки.

— Витюша, ты почто собачку без присмотра оставляешь? — ласково спросила бабуля.

Все, и мужик попал. Она такая ласковая только в случае большого гнева. Я решил молчать, не дай моб¹, попаду под горячую руку.

— Ирма Львовна, я не думал... — начал мямлить мужик. А бабуля в него свой коронный взгляд уперла. Не завидую я данному любителю животных. С чего вдруг мне лицо его знакомо? По телевизору видел? Ого, кажется, это тот мужик, что в мэры баллотироваться собрался.

— Не думал он. Это талант — не думать, Витюш. Вот скажи мне, если ты за собакой своей присмотреть не можешь, то как городом управлять собрался?

У дядьки даже уши покраснели. Мне его жаль стало.

— Ирма Львовна... — начал мужик укоризненно. И выглядел он как школьник, которого за курением застали, причем за первым.

— Что — Ирма Львовна?! А если бы твой Абрамович на внука моего напал? — рыкнула бабуля. — Твой пес мне ребенка покалечить мог.

Я поперхнулся. Мужик напрягся. Абрамович устыдился.

В каком месте я ребенок? Начинаю выразительно сопеть. Зачем она вообще меня впутала? Я мог бы и сам с чинушей поговорить, но с другой стороны, бабуля — авторитет.

— Ну...

И вновь его перебила бабуля:

— Не мямли. Значит, так. Собаку свою держишь в закрытом вольере высотой с твой забор, подальше от людей и детей. А в понедельник отправишься в наш университет, ректору с ремонтом актового зала поможешь. И чтобы я больше не видела

¹ М о б — игровой сленг. Подвижный объект, основное предназначение которого быть убитым игроком для получения опыта, очков или других игровых объектов. — *Здесь и далее примеч. авт.*

этого зверя без намордника, — сурово глянула на собаку бабуля. А, ну тогда понятно. Обижаться я перестал.

На этом инцидент был исчерпан, и мы направились к своей даче.

В отличие от соседей, наше строение выглядело почти убого — одноэтажное здание с шикарнейшей мансардой и двухметровым забором. Дачу бабуля получила от одного почившего друга. Чую, не только друга, но в личную жизнь родной бабушки лезть себе дороже, там черт ногу сломит.

Сейчас же мы успели попить чай из старинного самовара, бабуля такие любит, и принялись за поиски записки.

— Ба, нет здесь ничего! — ору я, выползая из залежей макулатуры, что свалена у дальней стены мансарды.

— Может, я его в старой пристройке оставила? — задумалась она.

— Бабуль, ты там с самой постройки дачи не появлялась, — возмутился я. Возмутился справедливо, мне же туда лезть придется.

— Внук, прекрати артачиться и давай уже лезь в пристройку.

— Ба, я же там ни разу не был, что где лежит — не знаю. Может, сама? — лучисто улыбаюсь, надеясь на снисхождение.

— Данюш, пожалей бабушку. Я уже старенькая, косточки не те, давление скачет, ревматизм зверствует. А не дай Чехов я в темноте упаду и что-нибудь себе сломаю? Вот что ты будешь тогда делать? — припечатала меня бабуля тяжелой артиллерией.

— Ладно. Но ты все равно со мной пойдешь. Там же электричества отродясь не было, вот и посветишь фонариком.

Фонарь мы нашли, впрочем, он больше напоминал этакий мини-прожектор. Пристройку тоже нашли, она находилась в самом дальнем углу нашего небольшого участка. Мы туда на моей памяти действительно еще не заглядывали. А выглядело злополучное помещение как грубо сколоченный сарай. Электричество не проведено, что с крышей, тоже неизвестно. Наверняка все помещение украсила пыль и паутина. Хотя мне уже все равно, я и так весь грязью покрыт, пока домашние закрома разбирал, успел уделаться по самое не могу.

Как ни странно, дверь в пристройку открылась легко и без скрипа, они были качественно смазаны солидолом. И даже тя-

желый металлический засов легко сдвигался. Это должно было меня насторожить, вот только не насторожило.

— Бабуль, посвети, — вошел я.

Любимая старушка шагнула следом. Мы сделали еще два шага в черный провал, когда мир вдруг потемнел и резко взорвался светом.

Стоим мы посреди огромной комнаты. Нет, даже не так. Это был огромный зал, как в ролевых играх про рыцарей. Как на картинках. Нет. Круче. Короче, красиво, пафосно, шикарно. Че за фигня?

Слегка подташнивает, и голова кружится.

— Маразм подкрался незаметно, — потрясла головой бабуля.

— Ба, ты это тоже видишь? — осторожно спрашиваю я.

Она осмотрелась. Потом подозрительно сощурилась, глядя на меня.

— Внук, скажи честно, *что* ты куришь? — и улыбается так ласково-ласково.

— Бабуль, ты не переживай, я не курю и другой дурью не балуюсь, — решил я ее успокоить. — Подозреваю, мы просто отравились газом.

— Какой газ?! У нас везде сплошь электричество! — возмутилась бабуля.

— Ну или чаем. Сама недавно заставила меня в Интернете искать информацию о недобросовестном производителе, — а сам моргаю часто-часто, потому что начал еще и маленьких уродцев за бабушкиной спиной видеть.

— Вот творительный падеж! — Это она у меня так ругается. При мне не выражается. — Что я твоей матери скажу? Что мы вместе посмотрим галлюцинации вместо вечерних новостей?

— Бабуль, а ты что видишь-то? — решаю уточнить, а то говорят, что люди не могут наблюдать одни и те же глюки одновременно.

Она огляделась.

— Что за синтаксис? — вырвалось у нее. Я посмотрел в ту же сторону.

Мы точно одни и те же глюки смотрим. На нас злобно взирал маленький, черненький, сморщенный гад. И вообще это не изюм, а что-то низкорослое, черное, морщинистое. Нос похожий на клюв, глаза большие, раскосые, черные, рот с клыками,

уши острые. Одет в подобие смокинга, волосы черные, похожие на паклю.

— Люди?! — заверещал этот бред наркомана. — Откуда? Хозяин будет недоволен!

И опять мысли пронеслись вихрем в моей голове. Галлюцинации? Нет, бабуля тоже это видит, значит, реальность. Жертва опытов? Потайная дверь в лабораторию? Как-то сомневаюсь, что лаборатории и жертвы опытов будут у нас на даче размещаться, да и выглядят они, судя по фильмам, по-другому. Розыгрыш? Чей? Никто не знал, что мы отправимся сегодня на дачу, а уж того, что полезем в злополучную пристройку, тем более никто не предполагал. А если бабуля? Смотрю на нее. Тоже думает. Не в ее стиле такие глупые шуточки откалывать.

Чудик продолжал что-то верещать мерзким голосом. Бабуля, кажется, конкретно зависла.

— Бабуль, я вроде понял, что все это значит, — решил я начать издали. — Ты только сильно не переживай и не волнуйся.

— Внук, я пережила Горбачева, развал Советского Союза, Ельцина, дефолт и даже свадьбу твоей матери, так что выкладывай все, что знаешь, — подняла она бровь.

— Понимаешь, я про подобное книжку читал. Зашли в дверь, оказались в другом месте. Еще и чудики странные вокруг бегают. — В этот момент черный верещать о своей загубленной душе перестал и слегка прифигел от нашей наглости. Мы его игнорировали, за интерьер восприняли, непорядок. — Так вот. Ба, все хорошо... Мы в другой мир попали. Ну или реальность, смотря какие определения здесь используют.

И по моему лицу расплылась глупая улыбка. Я сам-то верю в это? Почему бы и нет?

— Э... Внук, зря я тебя литературой пичкала, — сокрушенно покачала бабушка головой.

— Так вы иномирцы? — подал голос остроухий. И что-то мне в его словах не понравилось.

— Данюша, на каком языке разговаривает сей субъект? — решила уточнить бабуля.

— Определенно, — кивнул сам себе черный карлик. — Темный Властелин иномирцев запретил. Хозяин их любит, Властелину не выдаст. Живыми точно не выдаст.

...Сходили, блин, за письмами.

ГЛАВА 2

Ирма Львовна (она же в будущем Ирва)

— Ба, все хорошо... Мы в другой мир попали... — слышу слова внука, но не могу осознать их смысл. В ушах слегка шумит после столь резкой смены декораций, в моем возрасте от таких потрясений можно и инфаркт подхватить. Тьфу ты, синтаксис, инфаркт же можно получить. Или схлопотать?

Что за бредовые мысли сейчас роятся в моей старой головушке? Тут у нас с родной кровиночкой совместные галлюцинации и странного вида иностранцы. Точнее, один — черненький, маленький, сморщенный карлик. И лопочет он что-то на своем непонятном наречии, а внук его внимательно так слушает. А может, все-таки маразм? В моем возрасте большая часть моих знакомых этим страдает, а иногда еще и глупость свою недугом прикрывают. Я с симптомами ознакомились, но нынешняя ситуация больше запущенную форму шизофрении напоминает. Дожила, на старости лет собственная голова подвела, а у меня только на нее надежда была, тело-то, чай, немолодое стало. То ревматизм не вовремя проснется, то зрение совсем оплошает.

— Данюша, на каком языке разговаривает сей субъект?

Смотрю на любимого потомка и осознаю, что ему сия ситуация нравится не больше, чем мне. Но вот карлик еще что-то сказал, и внук нахмурился сильнее. Данюше не идет грозное выражение лица, он сразу становится похожим на своего папашу. Тут я застонала — вспомнила про дочь и зятя. Как я им это объяснять-то буду?! Да меня его родители на фонетический разбор раскатают. Впрочем, я сама себя на звуки готова разложить за неосмотрительность. Ну как мы могли угодить в подобную ситуацию? Кстати, почему все-таки я не понимаю, о чем говорит мой потомок и чернявый карлик? Станный язык. Может, звучание незнакомой речи, а может, карлик помог примириться с мыслью о другом мире, после чего в глазах у меня слегка потемнело, и я начала оседать на пол. Пол мраморный, даже по виду холодный, чего уж говорить об ощущениях, а мне на старости лет совсем не хочется в придачу ко всему пневмонию подхватить.

И еще до того как я растянулась на холодных мраморных плитах, меня подхватили чьи-то сильные руки. Открываю гла-

за, и сквозь туманное марево проступает лицо любимой кровиночки. Бледненькое такое личико.

— Бабуля, тебе плохо? Сердце?! Бабуля, не молчи!

— Почки, — проворчала я, совсем уж придя в себя.

— Что? — не понял внук.

— Говорю, не дожدهшься, — пытаюсь вывернуться из рук любимого потомка, а он вцепился и не отпускает, и глазенки такие испуганные-испуганные. — Рано тебе еще наследство получать. И вообще, поставь на родину.

— Бабуль... на родину — это неактуально сейчас, — замылся внук.

Но на пол меня все же поставил.

— Это еще почему? Мы же как-то сюда попали? Значит, и обратно так же отправиться можем?

— Не. Не можем, — грустно вздыхает он.

И тут нашу беседу перебивает карлик. Какой невоспитанный индивид. Внук все внимательно выслушал, а потом и мне объяснил.

— Бабуль, мы попали в другой мир через портал, который, к несчастью, односторонний и гуляющий в придачу. Но хозяин вот этого вот, — и Дан некрасиво ткнул пальцем в карлика, — поможет нам уйти обратно в наш мир. Но пока хозяин занят, нам предлагают отдохнуть и погостить временно у них в замке.

— Прекрасно, мы же давно никуда не выбирались после тура по Европе. Данюш, да мы с тобой оригиналы, всю Россию объездили, за границей были. Теперь вот тур по другому миру получили. Прелесть какая. А дальше что? На Марс отправимся? Хотя нет, не люблю красные пески, давай уж лучше на Венеру. Давно мечтала. Внук, ну ты сам подумай, какой, к орфографической матери, другой мир? Это же противоречит всем известным законам.

Нервы уже не выдерживают. Я понимаю — внук, он еще, по сути, подросток, ему легче смириться с перевернувшимся представлением о мире. Но я другое дело. Я прожила долгую жизнь, со мной много чего случалось, да и чудес я немало повидала. Но как-то вот так сразу и безоговорочно поверить в другой мир я не могу. Это же противоречит человеческому пониманию бытия. Хотя... нет, не противоречит. Помнится, не один древний философ размышлял о множественности реальности. И будем надеяться, что это все-таки другой мир, а не внезапный маразм. Но как же мне тяжело принять факт того,

что мы так вот просто, перешагнув порог старой кладовки, оказались в другом мире. Дети проще воспринимают реальность и ее неожиданности, они просто принимают это как данность, верят и приспосабливаются. Взрослые зачастую сходят с ума. Они начинают выяснять причины и следствия. Не верят, пытаются бороться, что их и ломает. И только редкие индивиды с нестандартной психикой и восприятием мира не ломаются, а продолжают жить и получают от этого выгоду. Я видела это во время развала СССР, то же было во время дефолта. А старики... Нам ничего не остается, кроме смирения и созерцания. Удел молодых — борьба. Удел стариков — наблюдать и оберегать. Ох, лучше бы это был маразм!

— Бабуль, этот недорослик говорит, что может доказать, — посоветовавшись с карликом, сообщил Дан.

— Данюш, не обзывай людей, — поморщилась я. — И ладно уж, пусть доказывает.

— Ба, да какой он человек? Он тролль обыкновенный, подвид домашний, — радостно сообщает внук. Я уже начинаю мечтать о сердечном приступе.

Нас вели сквозь коридоры, по обстановке напоминающие замок в Гатчине. В итоге завели в другой зал и подвели к огромному окну. Я вообще заметила, что окна здесь гигантские. У проектировщика комплексы? Так вот, подвели нас к окну и ткнули в небо пальцем. А там... маразм крепчал.

Два солнца весело светили с бледно-голубого неба, где летали гигантские птицы. Одна из этих птичек приземлилась на расчищенную площадку. Это было нечто. Я даже не знаю, как это классифицировать, не то что обозвать. Голова орла, тело льва, мощные крылья и хвост. Хвост — тема отдельная. Вроде бы он похож на львиный, вот только покрыт перьями. Мелькнула мысль, что это не окна, а хорошо замаскированные ж/к телевизоры. Но карлик будто прочел мои думы и шелкнул пальцами. Огромная створка гигантского окна отворилась быстро и бесшумно. Повеяло свежим ветерком. Я даже руку протянула проверить — действительно не фокусы.

Тем временем птица-зверь присела на лапах, и со спины этого чуда-юда резво спрыгнул импозантный пожилой мужчина в плаще и с длинной седой бородой. Ну надо же, и здесь встречаются приверженцы активного отдыха. Прыжки, полеты, экстрим. Радует, что кроме меня еще кто-то, несмотря на возраст, считает здоровый образ жизни панацеей от старости.

Как-то мне нехорошо. Срочно нужно в больницу, она психушкой в народе зовется.

— Rylge? — качает головой карлик.

— Бабуль, хозяин нашей временной гостиницы вернулся, — чему-то радуется потомок. Я вообще заметила, что он не сильно расстроился вынужденному приключению.

Как ждали этого самого хозяина, где его ждали и сколько, я не запомнила. Когда с ним встретились и побеседовали, я еще находилась в прострации. Я просто впала в шок. Подобного состояния не испытывала, даже когда у пяти потоков сразу экзамен принимала. Да меня до такого ни один студент еще не доводил. Я даже когда с Маринкиным отцом расставалась, так себя не чувствовала, а уж любовь там была необычайная.

Откровенно говоря, все переговоры вел внук, а я судорожно соображала и вспоминала. Мы с Данюшей в детстве читали сказки про ведьмака Герольта, потом был Толкиен, а дальше он сам уже подкидывал мне современных авторов. Но кто же знал, что я окажусь в таком же положении, как и героини книг? Вот только мне давно уже не семнадцать лет и даже не тридцать. И я не киллер, не спецназовец и даже не находчивая студентка, я не владею ни боевыми искусствами, ни суперзнаниями. Я бабушка.

Так что соберись, дорогая Ирма Львовна, и включись уже в процесс, именуемый мышлением, рефлексировать будем позже.

Вопросы на повестке дня. Почему внук местный язык понимает, а я нет? Далее, что за история с порталом? Самое интересное, как он оказался в моем чулане? И последнее, как вернуться обратно?

— Бабуль, познакомься, наш гостеприимный хозяин зовется Асхолом. Маг, ученый, придворный, смотрящий за грифонами, и просто хороший дед. Он пока нас у себя разместит, мы некоторое время не сможем отсюда выбраться. А как только этот Гэндальф все настроит, так сразу домой направимся. Ба, ты только не переживай, все хорошо будет. Я отвечаю.

Смотрю на любимую кровиночку и продолжаю молчать. А что тут скажешь? Я на время самоустранилась от происходящего. Вот как окончательно осознаю, так сразу возьму все в свои руки, не дело ребенку одному веселиться.

Дан

Вновь прибывший дедок оказался хозяином сего заведения, именуемого «крайнее левое крыло пристройки замка Темного Властелина». Фигасе здесь помещение! Если учесть размер только одной комнаты, а я их тут видел немерено, то масштаб пристройки впечатляет. И если это пристройка, то какова основная часть здания?

Дедок назвался Асхолом, хотя дико смахивал на Гэндальфа из «Властелина колец». Представился придворным магом, о значении его звания я догадывался смутно. Старик обещал вернуть домой. Возможно. Со временем. Обязательно. Не нравится мне этот дедок. Глазки уж слишком счастливые у него, так на неожиданных гостей не смотрят.

Сообщил он, что мы находимся на землях Темного Властелина, и даже пояснил, что это за зверь такой. Короче, здесь классическое фэнтезийное государство, часть мира принадлежит Темному Властелину, мужику древнему и страшному, ну и его жене, конечно, столь же нехорошей женщине. Живет на его землях стандартный набор темных рас: друу, вампиры, оборотни, люди, русалки, водяные и тому подобные нечистики. На светлых же землях расположились светлые эльфы, дриады, как ни странно, люди, феи, ну и еще парочка народностей, название которых я не выговорю. Но вся трагичность ситуации заключается в другом. Местный управленец (я про Темного Властелина) запретил на своих землях наличие иномирян. Да, да, прецеденты уже случались. Жаль, подробностей мне не сообщили, обмолвились только, что таких психов даже в их мире найти трудно, а женщин так сразу сжигать на костре надо, а то, не дай моб, Темного Лорда кто изнасиловать попытается. А еще на Светлого Императора покушения совершают. Вот такие они, эти иномиряне. И самое нехорошее: мы оказались как раз в замке того самого Темного Властелина. Радует только, что далековато мы от его сердцевины, ну и успокаивает, что Властелина дома нет. Куда умотал, не докладывал, а когда будет, сам не знает. Видите ли, жена его куда-то на двадцатый медовый месяц потащила. Бедный мужик. Хотя если у него в его возрасте сил на медовый месяц хватило, то за него стоит только порадоваться. Мне тут сообщили, что Властелину пятьсот лет, а собеседнику моему двести. Долгожители, блин.

Но дедок мне все равно не понравился, очень уж его интересовал мой возраст, а на бабушку вообще странно смотрел.

Нет, может, она ему понравилась, конечно, я не спорю, она у меня до сих пор хоть куда, морщинок на лице почти нет, очки носит исключительно на лбу «для престижу», волосы в благородной седине, глаза ярко-синие, живые, взгляд по-прежнему острый. Помню, у бабули ухажер был лет пять назад, солидный такой старик, замуж бабулю звал. Жаль, умер. Как говорит бабушка, «инсульт не спрашивает, к кому приходиться», но все равно, не похожи взгляды нашего гостеприимного хозяина на интерес определенного плана.

Короче, вылил этот дедок на меня весь поток информации, а теперь сидит и ждет реакции, а у меня ее нет. То, что сейчас отсутствует главный противник гостей из других миров, несомненно, радует. То, что придется задержаться, лично для меня пока не является расстраивающим фактором. Всегда любил познавать новое, да и кто еще может похвастаться тем, что побывал в другом мире? Только сам старик меня напрягает, мутный он какой-то. Но вот объяснить внятно причину своего беспокойства не могу, а если не могу, то и заморачиваться не стоит. Единственное, что действительно волнует, так это состояние бабули. Она в явной прострации. Меня это пугает, не дай модератор, ей здесь плохо станет, а я ни «скорой» вызвать не могу, ни медикаментов нормальных достать не в состоянии. Вот и сейчас она сидит и молчит. И это моя бабушка! Да она по своей природе не знает, что такое молчание, если она с кем-то не говорит, то что-нибудь напевает. Помнится, она на спор выучила репертуар «Агаты Кристи», правда, жутко плевалась впоследствии, а я весь месяц мыл посуду и делал уборку. С тех пор с бабулей не спорю.

— Пройдемте, саин Дан, стол уже накрыли, — встал Асхол и опять бросил на бабулю странный взгляд и потер руки.

— Бабуля, нас обедать зовут, — подал я своей любимой бабушке руку. Она мне всегда говорила, что к женщинам надо быть внимательным, а если не буду, то получу по шее. В общем, некоторые манеры она в меня вбила железно, только недавно понял, что они в определенный момент весьма полезны.

Асхол

Придворный маг возвращался домой в дурном настроении. Мало того что Первый в последнее время требует больше информации, в придачу маг опять не смог найти подходящего

кандидата на роль подопытного. Либо не тот возраст, либо не то состояние тела. Складывается впечатление, будто все здоровые старики уже давно вымерли. И как он должен омолаживающее зелье тестировать? Ему нужен чистокровный человек в глубокой старости, с идеальным состоянием здоровья, жаль только, в Темных Землях таких найти трудно. Хотя в другой мир иди ищи — иномирский старик был бы идеальным вариантом, — но переходы Властелин запретил. Категорически.

Как же он устал от этих поисков! Все тело болит, кости ломит, да старая подагра мучает. Хотя на себе тестируй. Останавливают только тридцать семь предыдущих жертв, плохо кончали его подопытные — умирали в муках.

И вот он возвращается домой, а ему сообщают, что появились несанкционированные гости, но когда он их увидел, то был счастлив без меры. Старуха и юнец. Это же подарок богов! Юнец, что странно, полностью понимает местную речь. А говорят они между собой, кстати, на проклятом языке. Хм... интересно.

Старуха от шока невменяема, что довольно удобно, юнец нагл и подозрителен. Кого-то он напоминает мага. Но вот кого? Проклятая старость! Память совсем уже не та, но ничего, дадут боги, этот эксперимент окажется удачным и он снова станет молодым, а самое главное, бессмертным. Асхол уверен в успехе на девяносто процентов, только бы об иномирянах не узнал Темный Властелин. Иномирян надлежит возвращать в их мир немедленно, а за гибель гостей мира наказание — смертная казнь без права обжалования. Кстати, за присутствие иномирцев здесь тоже по головке не поглядят, а как их вернешь, когда блуждающий портал Властелина опять куда-то ушел?

Нет, Асхол не будет таким дураком, он не упустит свой шанс. Сейчас он накормит гостей, а потом можно будет и за эксперимент приниматься. Вот только парня надо бы изолировать, пожалуй, стоит его кинуть в каземат к светлым пленникам.

Дан

Когда я понял, что что-то идет не так, было уже поздно. Перед глазами расплывались круги, и аппетитная зажаренная гусиная ножка выпала из моих ослабевших пальцев. Я идиот. Хуже, я дурак, наивный дурак. Ну кому я поверил? Меня ба-

бушка с детства учила чужим дядям не доверять, даже за конфетку. А я?

Вскакиваю, роняя на пол тяжелый стул, и сам падаю рядом.

Просыпаюсь от того, что меня кто-то трясет за плечо. Голова болит так, будто по ней долго били мешком с песком, еще и тошнит. Чувствую, что лежу на чем-то холодном и жестком. И где я вчера так упился-то? Ох, и влетит мне от бабули, она не любит, когда я пьяный домой являюсь. В конце концов, она меня не для этого пить учила.

— Проснись, человек! Да вставай ты уже! — приказывал мне кто-то.

Открываю глаза. Полумрак. Где-то вдаль виднеется свет, воняет, и, кажется, я вижу решетку. Меня че, вчера повязали? Не думал я в обезьянник загреметь в столь раннем возрасте. Твою медь!

— Кончай меня трясоти, — хриплю я.

— Ребята, он пришел в себя! — чей-то звенящий голосок ввинтился в мой мозг.

Оборачиваюсь. Еще раз твою медь! Эльф! Вспоминаю все, что случилось со мной за последние сутки, и дико пугаюсь. Я знаком с чувством страха, но с неуправляемым ужасом я до сих пор не сталкивался. Оглядываю камеру; помимо меня здесь еще четверо. Приводивший меня в чувство эльф с длинными светлыми волосами и измазанным лицом, низкорослый бородач (вот по любому гномом окажется), худощавый парень, на вид старше меня, и шикарная девица с зеленоватой кожей. Бабушки нет.

Вскакиваю и кидаюсь к решетке. Голова таких телодвижений не оценила и ударила дикой болью по мозгам.

— Бабуля! — ору во всю мощь своих богатырских легких. Камера заперта, а бабуля не отвечает. Да что же это? Где она?

Меня обуял дикий страх за нее. Куда бородастый маньяк дел мою бабушку?! Обрадовался, блин, — другой мир, чтоб его. Со всем забыл, что на чужой территории расслабляться нельзя. Решил, раз понимаю их язык, проблем не будет. Идиот.

— Парень, да успокойся ты, — шикнул низкорослый бородач.

— Слышь, мужик, ты здесь старушку не видел? Волосы седые, длинные, заколоты китайской спицей. На лбу очки, глаза ярко-синие, взгляд замораживающий, голос приказной? Низенькая такая, хрупкая, в черном.

— Ты про смерть? — выпучили глаза эти олухи.

— Нет, блин, про свою бабушку! — рыкнул я.

— Парень, не было здесь никого, кроме тебя, — сообщает гном.

— Так, понятно. А здесь — это где? — надо бы все побыстрее выяснить. Сам же в это время пытаюсь рассмотреть замок на нашей клетке.

— В казематах Темного Властелина. А точнее, у старого сумасшедшего Асхола, — сообщает форменный эльф.

— С этого места поподробнее, почему сумасшедшего? — развернулся я к ним.

— Этот пень старый уже лет пятьдесят о бессмертии мечтает, как у Темного Властелина. Вот и проводит эксперименты. А тебя как звать-то?

Эксперименты? Какие интересно? И что, мы все здесь подопытные, что ли? А бабуля-то моя где?

— Дан меня зовут. А вы, кстати, кто?

— Да мы делегация из Светлых Земель. Посадили вот, — обводит рукой пространство гном. — Меня Олуш звать, вот его, — ткнул пальцем в сторону худошавого парня, — Гирин, ее, — кивает на шикарную зеленоватую девицу, — Ангра.

— А я Лель, — представляется эльф.

— Зашибись. Теперь давайте поподробнее про эксперименты местного психа.

— А что про них говорить? — удивляется гном. — Мы, понимаешь ли, здесь уже полмесяца сидим. Много видели. Видели, как стариков сюда приводили и уводили в лабораторию, а потом монстрами возвращали, вскоре они умирали. Те, кто был посильнее, страшные вещи рассказывали, что Асхол омолодить их пытался да бессмертием наградить. На людях всегда пробует, они идеальный материал, хрупкие, даже малейшая погрешность на них отражается. Он же не хочет, чтобы в итоге побочные действия на нем вылезли.

— Вы откуда знаете? — спрашиваю я сиплым голосом.

— Так от нас это и не скрывают, казнить обещают со дня на день, — спокойно отвечает Олуш.

Я теперь не просто боялся за жизнь бабули, я был в ярости. Со мной такое редко случается, и только она могла меня успокоить. В такие моменты меня душила чернота, я был неуправляем, зверел на глазах. Очевидцы говорили, что это довольно страшное зрелище, кое-кто даже предлагал меня в дурку поло-

жить, но бабуля таких советчиков так отбрасывала, им не то что советовать — вообще рот открывать ближайший месяц не хотелось.

— Парень, что-то не нравишься ты мне. Тебе нехорошо? — участливо спросил Олуш.

— Сколько я уже здесь?

— Половину суток, — был мне ответ.

— Как отсюда выбраться? — уже хриплю.

— А никак, дверь замагичена, иначе Гири́н уже давно бы нас вытащил.

Бабуля, ты только держись, я что-нибудь придумаю. А у самого в мозгу крутятся различные кровавые сцены с участием бабушки и этого Гэндальфа недоделанного.

Начинаю трясти решетку, а она, зараза, даже не скрипит. Ору, бью по железу кроссовками.

— Успокойся! — подскакивают ко мне гном и Гири́н.

Ага, нашли лоха. Отталкиваю их, они улетают к дальней стене, а я продолжаю бесноваться. В мозгу бьется мысль о бабуле. Да я за нее любого порву, она же моя единственная бабушка, самая любимая. Не дай бог с ней что случится, не переживу, урою козла. Дайте только добраться.

Послышались гулкие шаги. Вскоре моему взору предстали два жирных борова, которые, судя по всему, являлись местной охраной.

— И кто это у нас тут порядок нарушает? — ласково спрашивает один из них.

— О, это же новенький. Тот, что со старухой, — тычет в меня толстым пальцем второй.

— Ты про ту, что щас в лаборатории? — уточняет первый, кажется, они про меня уже забыли.

— Где она? Где моя бабушка? — вклиниваюсь в разговор.

— Где, где — на столе! — ответил мне охранник и сам заржал своей шутке.

— Отведите меня к ней, — приказываю я.

— Слышь, Гил? Он там что-то требует. Ой не могу, вот умо-ра! — ржал первый, второй одобрительно подхихкивал. Когда они успокоились, охранник сказал:

— Ты, щенок, успокойся, если твоя старуха жива останется, то в соседней камере лежать будет, а ты лучше о себе подумай. Завтра на рассвете вас всех казнят.

С этими словами охрана гордо удалилась.

Если выживет... Эти слова эхом бились в моей голове. Если выживет. А если нет? Я же загнусь без нее. Я родителей так не люблю, как ее. Тварь. Убью этого старпера. Колдун гребаный, да я твой замок по кусочку разнесу, уж ты у меня быстрее всех сдохнешь. Только выйти отсюда надо. А я выйду. Обязательно! Я должен успеть! Только убереу эту гребаную решетку, и они у меня все кровью умоются. Сердце колотится уже не в бешеном ритме, оно разрывается при каждом ударе, оно болит — так, будто его чем-то проткнули. В голове шум, воздуха не хватает. В ушах звон. Бабушка...

Чернота, что меня душила до этого, затопила разум, и все, что я помню, это туманные отрывки.

Вот бледнеют лица моих сокамерников, в следующее мгновение решетку с частью стены сносит черный туман. Помню какие-то переходы и, наконец, бледное лицо какого-то уродца.

— Где?

Чей это рык? Это не может быть голосом, а вокруг черный туман и, кажется, воняет кровью.

Вот я стою перед огромными двустворчатыми дверями. А вот дверей уже нет. Я захожу в помещение, повсюду колбы, мензурки, запах химии и крови. Стены увешаны полками с книгами и емкостями с маленькими монстрами. Стол. А на столе она. Бабушка. Глаза закрыты, кожа бледная, с синевой, волосы растрепаны в беспорядке, вместо привычной одежды серая простыня. Ее худенькая ручка вымазана в крови. А рядом он. Будущий труп. Склонился над ней, что-то высматривает.

Все. Свет потух. Сейчас посмотрим, кто из нас больший ма-
няк.

Олуш

Завтра всю команду казнят. Эта мысль не получила должного отклика в душе гнома, за полмесяца существования в клетке он успел смириться с ней. Или нет? Вот и сейчас смотрит на новенького и вспоминает. Вспоминает детство, бесшабашную юность, зрелость, жену, детей, Светлые Земли. Того гада, что его на это задание отправил. Ребят жаль, они еще молоды, не заслужили такой участи. И эльф. Если его казнят, опять начнется война. Не на это ли рассчитывал Темный Властелин, отдавая приказ?

Эльфю надоело сидеть, природное любопытство взяло верх. Эльфийские ручонки проворно затрясли тело юноши. Его кинули к ним половину суток назад. Он странно одет. Олуша интересовал вопрос появления парня. Откуда он? До сих пор не приходил в себя, наверняка его опоили сонным зельем. И что же такое нужно сделать, чтобы попасть в камеру смертников в столь юном возрасте?

Наконец очнулся. Ведет себя странно, про смерть спросил. Впрочем, нет, Олуш ошибся, это парень про бабушку. Бабушка?! Все ясно. Объяснил новенькому положение дел, рассказ паренька кардинально расстроил. Человека зовут Дан, странное имя. И говор у него странный, явно не местный. Во время их беседы парень начал неуловимо меняться. Сначала побледнел, потом потемнел, кажется, даже тени в углах стали непροглядно черными.

Пришла охрана, как обычно, поиздеваться над пленниками. Или их привлекла истерика парня?

После беседы с охранниками с парнем что-то произошло, он окончательно изменился. Глаза залила чернота, черты лица заострились, тьма ласкалась к нему, как к родному. Он посмотрел на решетку, и та вместе с куском стены вылетела прочь. Да что же это? Кто он такой? Олуш пытался окликнуть невероятного парнишку, но тот, не услышав гнома, просто пошел вперед. Командир светлого отряда решил последовать за странным парнем. По пути видели слуг и охрану, теперь несчастных никто больше не увидит, никогда еще гном не наблюдал подобной мясорубки, даже в последнюю войну такого не было! Однако это не помешало светлым разжиться оружием, охране оно все равно уже не понадобится.

А Дан все шел. Спокойно так, не сворачивая. Встанет перед ним дверь — двери не будет, встанет перед ним стена — стены не будет. Невероятная мощь! И откуда только взялась она у обычного на вид человеческого мальчишки? Олуш все пытался придумать, как заставить Дана присоединиться к его команде, вместе из замка выбираться было бы сподручнее. Мальчишка стал бы ценным союзником, вот только он идет напролом и все время твердит: «Где мышка-норушка живет?» Точно сумасшедший.

На пути обезумевшему парню попался тролль. Дан задал всего один вопрос: «Где лаборатория?» Тролли — мерзкие, вредные создания, они даже перед смертью с три короба на-

врут, а сейчас он на чистом глазу ответил правду. Что же тролль увидел во взгляде парня?

Наконец-то дошли до лаборатории. Может, сейчас парень успокоится? До светлых уже дошло, что он ищет свою бабушку, вот только вряд ли она еще жива, но говорить об этом Дану они не рискнули. А дальше случилось что-то страшное. Тьма оказалась материальной. Светлая делегация уже успела попрощаться с жизнями и этим миром, посетовав на свою глупость, надо было бежать, пока была возможность. Ударной волной всю команду вынесло за пределы комнаты, а внутри воцарилась тьма. Уже полчаса они слушают вопли ужаса и боли. Странно, что на крики еще никто не прибежал, неужели парень всех уничтожил? Какого же монстра послали им боги?

Наконец тьма расступилась, и из лаборатории вышел мальчишка, несущий на руках старуху. В глазах его пустота, за спиной виднеются красные разводы и брызги на стенах. Дан опускается на колени и воет. Такого воя светлые не слышали ни у одной нечисти. Боль парня ощущалась кожей.

Здание затряслось, а сам Дан менял цвет кожи с темной на угольно-черную. Творилось что-то невероятное: ветер, молнии, пахнет дымом, что-то где-то взорвалось. Слышен грохот, кажется, это рушится дворец. Олуш не мог поверить в происходящее. Наконец он осознал, что необходимо убираться из замка как можно быстрее.

И вот уже вся команда на ногах, держится за стеночку, потому что мраморный пол ходит волнами, с потолка сыплется штукатурка, летят камни. А посреди этого хаоса слышен ворчливый усталый голос:

— Внук, мы что, на Камчатке? Почему нас так трясет?

Ирма Львовна (она же Ирва впоследствии)

Нас повели обедать. Никогда не любила кушать в неизвестной компании. И сейчас мои опасения подтвердились. После плотного обеда внук внезапно вскочил из-за стола и повалился на пол. Что с ним?! Пытаюсь встать и в итоге сама отключаюсь.

Прихожу в себя на холодном металлическом столе. Надо мной склонился хозяин сего вертепа, он что-то лопотал на своем непонятном наречии, а потом заставил меня выпить какую-то гадость. Я пыталась сопротивляться. Честно пыталась. Вот только стара я уже для таких попыток, в голове бьется

единственная мысль: где внук? Что этот фашист сделал с моим Данюшей?

То, что я пережила за последние несколько часов, не пожелаю испытать никому. Я пыталась кричать, но выходил шепот, пыталась ругаться, но моих слов не понимали, пыталась угрожать и умолять, но все было бесполезно. Мне оставалось только надеяться, глупо надеяться на то, что выживу и отомщу. Нет, лучше умереть и превратиться в призрака, а уже потом мстить. Утешает только то, что я почти ничего не ощущала. Почти. Время от времени я молилась, чтобы у меня не выдержало сердце, а потом вспоминала, что где-то недалеко моя кровиночка, которую еще спасти надо будет. И я выдержала. Пока не потеряла сознание.

Пришла я в себя от дикой качки, точнее, тряски. Открываю глаза и вижу чернеющее лицо любимого потомка, а вокруг творится форменный бедлам.

— Внук, мы что, на Камчатке? Почему нас так трясет? — решаю уточнить, а то мало ли что, в последнее время я уже ни в чем не уверена.

Как же я счастлива, ведь он жив и здоров!

Внезапно тряска прекратилась.

Честно говоря, я и остальные события плохо запомнила. Мы куда-то бежали, точнее, бежал внук со мной на руках. Оказывается, он нашел себе команду таких же спринтеров, и вот мы резво несемся по помещению, которое грозит рухнуть, и наконец достигаем выхода. На улице меня по-прежнему не выпускают из рук. Данюш, ты же надорвешься! Поставь! Но меня не слышат. Точно, я же не могу говорить. Трудно и больно.

Тут компания моего внука активизировалась. Скрывшись куда-то, они вновь появились, но не одни, а с теми милыми монстрообразными пернатыми, которых я уже видела.

Как ни странно, я теперь понимала местную речь, но тут же об этом пожалела, потому что выяснила, на чем мы полетим.

— Внук, я на этом не полечу! — возмутилась я.

— Бабуль, все будет хорошо, — в который раз повторил Дан. За последние пятнадцать минут потомок только эту фразу и выдавал.

Я честно отбивалась, вот только сильно не посопротивляюсь в простынке почти на голое тело и в стальных тисках родного внука. Как мы взбирались на эту недоптичку — отдельная история. Скажу лишь, что меня устроили между молодым пар-

нем и длинноухим телом. Я очень хотела к Данюше, вот только нельзя — на этой чудо-птице расположились самые легкие из нас. Дан даже здесь не упустил возможности и уселся позади грудастой зеленоватой деvушки. А низкорослый простоватый обладатель шикарной бороды неуверенно взобрался на третьего монстра. Что меня порадовало, так это факт наличия здесь седла и сбруи, а вот полное отсутствие страховки, мягко говоря, расстроило. И вообще высоко. Я, конечно, не боюсь высоты, но как-то она не вдохновляет, когда под тобой машет крыльями живое существо.

Когда мы взлетели, я глянула вниз и увидела огромный дворец, красивый, мощный... и наполовину разрушенный.

Плохие здесь строители. Может, им знакомых гастарбайтеров посоветовать?

Темный Властелин (на следующий день)

Темного Властелина срочно вызвали в родовой замок. Причину никто толком объяснить не мог. Этого Властелин не любил, он дал себе зарок уволить всех некомпетентных, кого сможет выявить.

— Рина, не думаю, что тебе стоит ехать, — выговаривал он своей супруге.

— Если ты не думаешь, то за тебя это сделаю я, — отвечала ему супруга, запрягая грифона.

И вот они уже кружат над своим любимым домом. Огромное пространство, занятое неимоверно красивой и величественной постройкой. И часть этой постройки, причем большая ее часть, была... разрушена.

— Что за... — не поверил Темный Лорд.

— Ой, мамочки! — воскликнула Темная Властительница.

— Не поминай ее всуе! — одернул ее Темный Властелин.

ГЛАВА 3

Дан

Приземлились мы в неизвестных дебрях, да еще и жестко. Одно радует: при посадке под благовидным предлогом успел облапить зеленокожую красотку. Впрочем, когда у противоположного пола четвертый размер, на цвет кожи и расовую при-

надлежность как-то не обращаешь внимания. Красавица даже не возмутилась, чувствую, мне благоволят. Осталось только бабулю вылечить от последствий пребывания в этом мире. Как вспомню, так и хочется все нафиг уничтожить. Но я успокаиваюсь, бабуля не любит, когда я буянить начинаю.

В общем, худо-бедно, но мы приземлились. Слава модератору! Забыв обо всем, несусь к бабушке, ее уже сняли с грифона и разместили на траве.

— Как она? — приземляюсь рядом.

— Плохо, — нервно прядает ушами эльф.

— Нам доктор нужен, — выдаю гениальную идею.

Бабуля по цвету не отличается от простынки, в которую она закутана, глаза закрыты — похоже, без сознания. Маленькая, хрупкая, сейчас резко постаревшая, она выглядела беззащитно, и не скажешь, что ее когда-то боялись и уважали чиновники и простые студенты. Кстати, почему ее именем пугали чиновников, я до сих пор не знаю. Была там какая-то история.

— Доктор — это кто? — спрашивает бородач.

Приплыли. А если у них про медицину и в помине не знают? Что тогда делать?

— Тот, кто лечит. — Спокойствие, только спокойствие.

— Так у нас Лель целитель хороший, — сообщил радостно Олуш.

— Так какого... э-э-э... растения до сих пор сидите?! — рывкнул я, сумев сдержаться и не ругнуться при бабушке, она злоупотребление этим делом не уважает.

Эльф вздрогнул, тут же принялся вытворять руками пассы над бабулей. Гном окинул меня осуждающим взглядом, но когда я на него в упор глянул, сник.

— Дан, не смей повышать голос, — тихо шепчет бабуля. Плохо, когда она меня по имени завет, это значит, что все действительно хреново.

Из рук ушастого полился зеленоватый свет, который проникал сквозь любимую родственницу. Минуты шли за минутами, а ничего не происходило, только эльф взмок, да Гири как-то напрягся, а меня потихоньку начало потряхивать. Если с ней что случится, я этот мир по кусочку разнесу, вместе с его магами, Темными Властелинами и остальными психами. Но тут цвет лица бабули выровнялся, и она сделала глубокий вдох. А потом еще один и еще. Она дышала ровно и глубоко.

— Она спит, — поднялся эльф. Гирин тут же подскочил к нему, подставляя плечо.

Я вздохнул с облегчением.

— Одежда ни у кого нет? — задал я риторический вопрос.

Одежда не было, и даже одежды лишней не было. Оставлять бабулю на холодной земле не хотелось. Она у меня, конечно, любитель зимой в моржа поиграть, но сейчас не те обстоятельства.

— Короче, народ, делайте что хотите, но сотворите мне костер и организуйте какой-нибудь теплый лежак для бабушки, — глянул сердито на собравшуюся компанию. Молодой парень по имени Гирин пытался что-то вякнуть, но его остановил Олуш.

Зеленокожая красотка направилась к грифонам, Гирин и Олуш занялись обустройством лагеря, а я мучил эльфа на предмет еще одной проверки состояния здоровья бабули.

— Да нормально с ней все, если такое вообще возможно в данной ситуации, — пятился остроухий. — Ты пойми, над ней ставили уникальный эксперимент, и насколько я знаю, она единственная выжившая.

— Ты мне конкретней объясни, что с ней? — не отступал я, держа на руках свою старушку.

— Что я тебе скажу нового? У нее физиологические параметры слегка изменены после эксперимента, — и, поняв, что ляпнул, тут же побледнел. — Такое не проходит бесследно, но я исцелил повреждения. Изменения, к сожалению, необратимы.

Сознание начала затапливать тьма.

— Внук, меня сумасшедший маг посетил, а не инсульт, так что положи, где взял, и найди еды, — услышал я сквозь черное марево. В этом вся моя бабуля.

Ну что ж, она права, едой действительно было бы неплохо разжиться. Пойду у Олуша узнаю, как в этом мире ее раздобыть, вряд ли стоит надеяться на круглосуточные супермаркеты посреди тайги.

Ирма Львовна (в скором будущем Ирва)

Сквозь сон слышу грозный рык внука. Так дело не пойдет. Эх, валерьяночки бы сюда и валокардинчика для надежности!

— Внук, меня сумасшедший маг посетил, а не insult, так что положи, где взял, и найди еды. — Надо бы его отвлечь, а то, чего доброго, нервный стресс себе заработает на мою голову.

После того как внук скрылся в неизвестных даях, пришлось обратиться к остроухой девице:

— Девушка, вы на Дана не обижайтесь, он за меня переживает, вот и ведет себя слегка грубо. Вас, кстати, как зовут?

Испуганно оглядевшись, девица уставилась на меня.

— Лель. И... э-э-э... я не девушка, — был мне робкий ответ.

— Нашла чем хвастаться. — Я смотрю, и в этом мире молодежь скромностью не отличается.

— Нет, вы не поняли, — подпрыгнула на месте покрасневшая особа. — Я парень.

— Лель, я, конечно, стара, но маразмом еще не страдаю, хоть вы и пытаетесь меня в обратном убедить, уж я-то девицу от юноши отличить могу, — снисходительно улыбаюсь юной ушастой интриганке, переодетой парнем. — Но раз вам больше нравится быть в образе молодого человека, не мне судить.

Впрочем, говорить о странностях данной особы мне было не столь интересно. Больше всего меня волновали пропущенные мною события. Также стоило узнать, почему я понимаю местную речь.

— Помогите мне, Лель, — попросила я, пытаюсь подняться с копны неизвестной травы, служившей мне ложем.

Девушка бросилась на помощь, подняв жуткую суету. Толку от нее было мало, пришлось самой устраиваться поудобнее. Кряхтя и скрипя суставами, я приняла устойчивое сидячее положение.

— Расскажи мне, красавица, что тут творилось, пока я без сознания отдыхала? — доброжелательно улыбнулась я.

— Вы попали в руки сумасшедшего мага, который искал формулу бессмертия. Да не просто бессмертия, но и вечную молодость, — начала повествовать Лель.

А жирно ему не будет? Не лопнет страдалец? И вечную жизнь ему, и вечную молодость подавай. От такого избытка и облысеть можно. А я его импозантным мужчиной посчитала. Ужас какой, и где мое чутье на людей? Ах да, вспомнила: было усыплено неизвестным снотворным во время обеда. Или осталось в родном мире? Надеюсь, что нет.

— Опыты придворный маг ставил на человеческих стариках, — продолжала тем временем девушка. — Вы оказались идеальным материалом.

Тоже мне косметическая мини-фабрика. Так и знала, что о женевской конвенции здесь не слышали. Ну что за люди? Можно ведь было просто пластического хирурга посетить. Или здесь такие не обитают?

— Вас и Дана усыпили. После чего над вами провели эксперимент, а вашего внука бросили в нашу камеру смертников.

В моей жизни было многое. В том числе и боль, причем не только душевная, но и физическая, у меня была действительно бурная молодость, но то, что творили со мной в лаборатории, вспоминать не хочу. А вот насчет камеры смертников... В капусту порублю этого чудика! Вот только доползу до него, и узнает он, что значит месть бабушки. Моего внука в камеру! Ну ничего, этот экспериментатор еще узнает, что старость не обязательно сопровождается склерозом.

— Я так до конца и не поняла, что с вами сотворили. Асхол был в своем роде гением. Но результатом стали некоторые преобразования, в том числе и психические. Это может выявиться в знаниях новых языков или же в способностях, которых у вас раньше не было, но может отразиться и в перепадах настроения.

Только собралась возмутиться по поводу насилия над собственной психикой, как вспомнила, что являюсь преподавателем русского языка. Профессор, между прочим. Но это не значит, что я мазохистка, я спокойно переживу происшедшее. А насчет изменений в целом... Ну хоть какая-то польза от пережитых испытаний, язык не пришлось изучать в ускоренном темпе.

— Я представитель делегации светлых, посланных к Темному Властелину по вопросу создания союза против общих врагов, — вещала тем временем Лель. — Делегацию встретил придворный маг Асхол, после чего бросил нас в темницу, где мы повстречали вашего внука и с его помощью сбежали, попутно сумев спасти вас. Асхол погиб.

Тихо горжусь внуком, он у меня всегда был сообразительным мальчиком. Вот только друзья у него шепутные, но это можно пережить. Особенно если вспомнить, что он у меня и сам не ангел. Далеко не ангел.

А вот, кстати, и он. Идет вместе с низкорослым коренастым мужчиной и молодым человеком. Позади шагает зеленокожая девица. Я заметила определенную странность в поведении новых знакомых, они держались на расстоянии от моего внука, будто чего-то опасались. Необычно. Выбросив лишние мысли из головы, улыбаюсь во все свои тридцать зубов. И ничего, что их всего тридцать, зато свои!

— Бабуль, ты как? — присел внук на корточки рядом со мной.

— Данюш, все нормально, я не Гринпис, от экспериментов на живом материале сильно не страдаю. Как-нибудь сдую. Сейчас самое главное — это то, что мы давно не ели.

Внук отправился выяснять, что там с пропитанием. Недалеко крутилась разношерстная компания. Я начинаю себя неудобно чувствовать под легкой простынкой, все же стара я уже для таких приключений. Единственное, чего я действительно хочу, — это здоровый сон в родной кровати, но, судя по всему, не судьба.

— Еще раз меня Данюшей назовешь, я тебе зубы выбью. Ты по жизни труднопроходимый или после пережитого тормозишь? Мне тебе сколько раз объяснять, что меня Даном зовут? — слышу тихий рык невдалеке.

Опять я в свои думы погрузилась и что-то интересное пропустила. Перевожу взгляд в ту сторону. У самой кромки поляны, вдалеке от основного лагеря, за моей спиной стояли внук и молодой человек из компании новых знакомых. Дан выглядел спокойным, даже насмешливым, его оппонент же был раздражен, хоть и пытался соорудить ироничную рожицу.

— Но твоя бабка тебя именно так называет. Данюша. Как мило, — глумился парень. — Особенно для того, кто так легко разрушил замок.

Ой, бедненький, ни мозгов, ни воспитания. Теперь еще и со сломанными ребрами, ну или просто с гематомами по телу. Внук терпеть не может, когда кто-то на мой счет при нем проезжается, но еще больше он не любит глупых людей. Насколько знаю Дана, парню было в доступной форме объяснено, почему и как его не стоит называть, но видно, что с первых двух раз до юноши не дошло. И вот теперь мой потомок методично посылает свои кулаки в торс недогадливого, а кулаки у внука

будь здоров, между прочим. Да и годы посещения секции бокса о себе дают знать.

Начавшуюся потасовку заметили остальные. Не то чтобы они спешили разнимать драчунов, но и восторга от происходящего явно не испытывали, вон как бородач набылчился.

— Так меня, — удар, — может называть только бабуля, — пыхтел внук, избивая парня. — А ее ты будешь звать Ирма Львовна. Повтори.

Нельзя сказать, что парнишка был настолько плох. Он успешно прошелся по физиономии Дана пару раз, тем самым еще больше того взбесив. Внук ненавидел, когда к его лицу прикасались. О, а вот этот блок, поставленный противником любимого потомка, был весьма неплох. Ах, юность. Где мои семнадцать лет? Далеко.

— Данюш, у него левый хук¹ хромает! И опасайся джеб²! — решила я повеселиться, заодно блесну знаниями приемов бокса. — Молодой человек! Да-да, это я вам! Я вам советую провести кросс³. Как, вы не знаете что это такое? Уворачивайтесь! Вправо! Вправо, я сказала! У Дана правая рука повреждена! А теперь встречный удар из-под руки! Отлично!

— Ба! — возмущается внук.

— Ну что «ба»? Если уж затеяли драку, то деритесь нормально, а то детский сад на выезде, право слово!

У парней пропало всякое желание продолжать разборку. Внук на меня смотрел обиженно, а его соперник ошарашенно, остальные же уставились на меня, как Хрущев на кукурузу.

— Дан, не надо на меня смотреть, как на врага народа. Я, между прочим, голодная, а ты народ от труда праведного отвлекаешь, — возмутилась я.

— Бабушка, ты зачем ему подсказывала? Он же неправ! — не сдавался Дан. Он устало опустился на землю рядом со мной. Джинсы в грязи, футболка порвана в трех местах. Я уж молчу про ссадины и разбитые костяшки.

— Скучно мне стало, — наигранно печально вздохнула я. Переборщила и закашлялась.

Меня тут же обеспокоенно осмотрели.

— Прекрати, все со мной в порядке.

¹ Х у к — короткий боковой удар.

² Д ж э б — короткий резкий удар прямой рукой в голову.

³ К р о с с — встречный удар через руку соперника.

Через некоторое время мы все же расселись вокруг разведенного костра. На самодельном вертеле крутился кролик, пойманный кем-то из толпы.

— Я благодарна вам за свое спасение, — начала я, решив не обращать внимания на странные переглядывания. — Нас не представили друг другу.

— Бабуль, знакомься. Олуш, Гирич, Ангра, Лель...

Так бы и надавала по рукам за отсутствие манер, ведь сколько раз ему говорила, что тыкать пальцем в людей некрасиво.

— Рада знакомству, — улыбаюсь. — Меня зовут Ирма Львовна.

— Странное имя, — впервые подала голос зеленокожая Ангра.

Это мое-то странное? Потрясающе, и это мне говорит девушка с зеленой кожей и зелеными же волосами.

— Ирвольна, — попыталась выговорить ушастая Лель. Как тут все запущено.

— Ирва, — решил предпринять попытку коренастый Олуш.

— Бабуль, ты только не злись, — предупредительно посмотрел на меня внук.

Дело в том, что Ирвой на первых порах нашего знакомства пытался звать меня зять. Дочка тогда на акцент ссылаясь. Я же после, в отместку, звала его Азарушкой. Так и развлекались.

— Можно и Ирва, — сдалась я, устав от разнообразия вариаций своего имени.

— Бабушка Ирва! — обратилось ко мне остроухое чудо.

Я аж подпрыгнула с непривычки. Да меня даже в автобусах бабушкой не называли! Кроме внука, я никому не позволяла себя бабушкой величать.

Кстати, бабушкой внук меня назвал впервые в пятилетнем возрасте. До этого все как-то «ба» называл. А потом он начал возмущаться моему ласковому «Данюша». После продолжительных переговоров мне было позволено продолжать так к нему обращаться, а ему, в свою очередь, было позволено нарекать меня бабулей. Правда, он терпеть не мог, когда его так называл кто-то другой, он даже матери этого не позволял.

— Просто Ирва. — Я постаралась, чтобы на лице не сильно отразилось мое недовольство.

— Ой, что вы, не могу я так обращаться к пожилой женщине. Меня учили почитать старость, — звенел колокольчик голоса ушастого чуда.

— Кстати, тебе лет-то сколько, ребенок? — встрял внук.

— Девяносто пять! — радостно отрапортовала Лель.

Я подавилась воздухом. Да она меня старше как минимум на... ну, не так уж и много. Но старше же! Мое возмущение утонуло в хохоте внука.

— Бабуль, нормально! Оставь. Чисто поржать! Ты младше, но уже в авторитете! Ой, не могу!

В принципе, внук прав. Видно же, что девочке меньше названной цифры.

— Не удивляйтесь, Ирва, просто у долгоживущих рас развитие отличается от людского. У эльфов девяносто пять равняется человеческим шестнадцати, — решил утешить меня Олуш.

— Какая прелесть, — сумела выдать я. И знать не хочу, сколько лет остальным. — Значит, Лель — эльф? А остальные?

— Я гном. Ангра — дриада. Гирин — маг. Маги — они не совсем люди, — принялся объяснять Олуш.

Мне было неинтересно слушать про генетические отклонения местного населения, и я решила пропустить мимо ушей его пространные пояснения. Мне вообще холодно. Я тут в одной простынке почти на голое тело. И ладно, если бы тело молодое, а то ночной кошмар пластического хирурга.

— На Темные Земли нас привела миссия. А откуда родом вы? — привлек мое внимание Олуш.

Это что ж за миссия такая, для исполнения которой берут детей? Лель, насколько я поняла, по сути своей еще ребенок. Хотя не мое это дело. Меня другое беспокоит.

Ну и что ему сказать? Нас не прикопают поблизости, если узнают, что мы иномирцы? Вот же слово-то какое...

— А скажи-ка мне, Олуш, как у вас обстоят дела с иномирцами на Светлых Землях? — вмешался внук.

— Какими именно? — насторожился гном.

— Обычными, такими человеческими попаданцами, — фыркнул потомок.

— А никак, они у нас редко появляются. Но если все же случилось сие несчастье, то надлежит тут же доставить их к правителю для дальнейшей депортации в родные миры.

— А почему несчастье? — поинтересовалась я.

— Ну так они неадекватные какие-то. Мир спасти норовят. Покушаются то на Светлого Императора, то на Темного Властелина. Их, правда, было-то всего штуки три за последнюю тысячу лет, но нам и этого хватило.

— Сочувствую, — вздохнула я.

— Зашибись, удачно мы попали! — воскликнул внук. — В общем, так, мы — иномирцы. Были бы рады попасть в родной мир. Подозреваю, что с вашей помощью мы сделаем это быстрее. Будет замечательно, если вы, направляясь домой, прихватите и нас.

— Конечно-конечно!

Дан

Лагерь устроили довольно быстро. Было тепло, но мы все равно разожгли костер, — для бабули. Кстати, сделали это при помощи магии. Эльфенок что-то шепнул, и принесенный нами хворост весело вспыхнул. Бабуля этого не видела, но думаю, это к лучшему, хватит с нее на сегодня потрясений.

Попутно меня вывел из себя Гирин. Тоже мне нашелся великий «тролль», да он против моей старушки детский садик, уж она-то в Интернете отрывалась — будь здоров, а этот недомерок ее бабкой посмел обозвать. Я сорвался. Нервы ни к черту в последнее время. Пока я спускал пар, бабуля решила развлечься. Я обиделся.

На нее невозможно обижаться долго. Потом поржал над прикольным эльфом. Зачетный паренек, ведет себя, как блондинка, бабулю такие постоянно в ступор вгоняют.

После сообщил, что мы попаданцы. Народ понятливо покивал и пообещал доставить нас к правителю светлых.

Встал другой насущный вопрос: где найти одежду бабушке и себе. У этих горе-дипломатов, ясное дело, ничего с собой не было. Предложенную эльфенком набедренную повязку из листьев и ветвей близрастущих деревьев бабуля чуть не надела ушастому же на голову.

В итоге было решено отправиться в ближайший город.

— Я на *этом* не полечу, — заупрямила бабушка.

— А куда ты денешься? — не отступал я.

— Я сказала — нет! — начала звереть бабуля.

— Ба, как называется состояние, когда из старости резко выпадают в детство? — поднял я бровь.

— Ладно, уговорил, черт языкастый! — буркнула она.

Как мы летели — тема отдельная, как приземлялись, а главное, где, лучше тоже не вспоминать. Время полета вообще в го-

лове не отложилось. Единственная бьющаяся в голове мысль: как же я в первый раз-то не грохнулся?

А вот впечатления от города могу описать как шоковые. Я, дитя железобетонных джунглей, слегка выпал из реальности, наблюдая дома из настоящего камня, отсутствие канализации и жуткое сочетание лошадей с движущейся людской массой.

Дриаду было решено оставить за городом вместе с грифонами. Этих птичек мы решили продать. Денег-то ни у кого не было. Через ворота мы проходили под личиной отары овец с громадной собакой — пастухом. Сей бредовый план предложил эльфенок, осуществлял Гири́н. Нормальный, кстати, парень, просто по дриаде слегка сохнет, но никто из нас не идеален.

Как ни странно, план сработал. Бабуля пару минут находилась в легком шоке, но потом взяла себя в руки, спросила у меня, сколько всего падежей, и успокоилась после моего ответа. Стражники слюной на барашков покапали, но тронуть не решились. Денег стясти не у кого было, а пес (бабуля) выглядел вполне убедительно. Она еще и обнюхала стражников, как она выразилась, «ради приличия». Какого приличия? Всю операцию чуть не провалил один неадекватно ржущий баран. За что я получил ощутимый тычок от любимой родственницы.

А сейчас мы стоим уже без морока в каком-то переулке, где моя бабуля спешно переодевается в украденные Гири́ном шмотки. Мне, кстати, тоже пришлось приодеться в местные тряпки. Что порадовало — не пришлось переобуваться. Не во что было. Да я пока и не готов расставаться с родными «Найками».

Местная одежда это вообще что-то с чем-то. Жуткие брюки на подвязках и рубахи свободного кроя. Жуть. Одна радость — карманы глубокие, эмпэтриху есть куда положить. Она, родимая, до сих пор со мной. Свою одежду пришлось припрятать, зато мы больше не выделялись среди толпы.

— И как вы собираетесь продать нелегально угнанных грифонов? — хмыкнула бабуля. Ее нам удалось обуть в найденные где-то деревянные галоши. Весьма потрепанные, надо признать.

— Так же нелегально, — отозвался Олуш. — Осталось только найти полезного человека.